

Лейкин Николай Александрович

В деревне и в городе

Рассказы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Александрович Л.**
В деревне и в городе: Рассказы / Лейкин Николай Александрович – М.: Книга
по Требованию, 2022. – 282 с.

ISBN 978-5-519-92982-0

ISBN 978-5-519-92982-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

лицомъ, отирая его снятымъ съ головы ветхимъ бумажнымъ платкомъ.

— Праздникъ Луки, цѣлованіе моей руки—вотъ и все. Просто останусь дома отдохнуть—вотъ и весь сказъ. Хочу черную кружевную фалборку на голубую юбку къ воскресенью себѣ пришить. Я у урядничиховой сестры черного кружева накупила. Вѣдь я по средамъ рѣдко когда хожу на работу,—сообщила Клавдія.

— Ну, иногда и по понедѣльникамъ узенькое воскресенье справляешь,—проговорила худенькая маленькая блондинка Малаша, тоже молодая, но совсѣмъ безцвѣтная, безъ бровей и со щурящимися глазами.

— Да, бываетъ, что и по понедѣльникамъ не работаю. А тебѣ какая забота?—вскинула на нее вызывающіе красивые глаза Клавдія.

— Заботы нѣтъ. Но ты вѣдь уже у насъ извѣстная полубарыня,—продолжала Малаша, щуря безцвѣтные глаза.—У тебя есть и другая заработка. Ты иной разъ и на работу на заводъ не пойдешь, а вдесятеро выработаешь. Мы знаемъ,—уязвила она ее.

Клавдія презрительно покосилась на Малашу и сказала:

— Ахъ, ты, шлюха, шлюха! Ты прежде на себя-то посмотри.

Она сошла съ плота, сѣла на берегу на камень и принялась обуваться. Малаша не унималась.

— Вотъ это-то самое названіе, чѣмъ ты меня назвала, для себя и побереги,—крикнула она ей.—Да, побереги. Самое подходящее тебѣ будетъ. А я шелковъ себѣ на платьѣ отъ хозяйскаго племянника не принимала, браслетками да сережками отъ охотниковъ не пользовалась, съ лавочниковымъ сыномъ, обнявшись, не сидела.

Перепетуя, слыша эти слова, уперла руки въ бока, и захохотала.

— Ловко, Малаша! Ловко отбрила! — воскликнула она. — Такъ ее и надо! Напомни еще ей, какъ ее дровяной приказчикъ въ рѣкѣ купалъ, чтобы жаръ-то насчетъ ейнаго баловства остылъ. Да видно, и послѣ этого ей пейметя.

— Молчи, вѣдьма! Ужъ кто-бы говорилъ, да не ты. Ты сама парнишекъ-погоньщиковъ на баранки къ себѣ приваживаешь, — отгрызнулась на Перепетуя Клавдія и, закусивъ губы, стала уходить съ берега.

Клавдія не жила на кирпичномъ заводѣ. Она приходила на заводъ работать изъ сосѣдней деревни, гдѣ жила со вдовцомъ отцомъ, сестрой, только что вышедшей изъ подростковъ, кривобокой и хромою дѣвушкой Соней и двумя маленькими братишками-погодками лѣтъ семи-восьми. На сестрѣ ея Сонѣ лежали всѣ хозяйственныя работы въ домѣ, присмотръ за братишками и, кромѣ того, она нянчила маленькаго ребенка Клавдіи — дѣвочку Устю, плодъ любви несчастной, которую Клавдія родила года полтора тому назадъ.

Клавдія пробиралась по берегу домой. Молодые рабочіе, еще не упедшіе въ застольную ужинать, осклаблялись на нее, любовались ея статной фигурой и походкой, кланялись ей. Она отвѣчала на поклоны гордымъ равнодушнымъ кивкомъ и шла дальше. У воротъ конторы стоялъ заводскій приказчикъ, среднихъ лѣтъ мужчина въ пиджакѣ, картузѣ и съ клинистой черной бородкой.

— Клавдіи Феклистовнѣ... — раскланялся онъ, снявъ картузъ и тоже осклабясь. — Что-бы когда-нибудь вечеромъ зашла ко мнѣ чайку попить съ вареньемъ? — шепнулъ онъ ей, подмигнувъ.

— Рыломъ не вышелъ еще,—отвѣчала Клавдія, не останавливаясь.

Приказчикъ, огорошенный такими словами, не смутился. Онъ сдѣлалъ встѣдъ за ней нѣсколько шаговъ и продолжалъ:

— Не плюй въ колодець, душечка, пригодится водички напиться. Приказчикъ, при расчетѣ, всегда тебѣ поль-тыщи кирпича можетъ приписать лишняго.

— Важное кушанье—поль-тысячи! Видали.

И Клавдія, не оборачиваясь, шла дальше.

На балконѣ хозяйскаго дома стоялъ хозяйскій племянникъ, онъ-же и бухгалтеръ завода, молодой человекъ съ бѣлокурой бородкой, въ коломьянковой парочкѣ и съ косымъ воротомъ русской рубахи, расшитымъ цвѣтной бумагой.

— Клавдюша!—крикнулъ онъ ей.

— Здравствуйте,—отвѣчала она.

— Домой?—спросилъ онъ.

— А то куда-же? Не танцы танцевать. Сегодня не праздникъ.

— Послѣ ужина къ тебѣ можно чайку придти напиться?

— Что-жъ, приходите. Да ужъ приносите и варенья.

— Да, да... Я съ своимъ угощеніемъ. Такъ ты жди. Какъ дяденька съ тетенькой на боковую—я къ вамъ...

Клавдія кивнула и направилась дальше.

II.

У ОЦА Клавдіи Феклиста Герасимова Собакина была ветхая изба, съ полуразвалившимся крыльцомъ, около котораго висѣлъ глиняный рукомоиникъ, валялись всегда кучи отбросовъ и было сыро до слякоти.

Дворъ былъ также грязный, переполненный навозомъ, а сквозь тесовую крышку навѣса, загроможденнаго всякимъ деревяннымъ хламомъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ свѣтилось небо, хотя тамъ и стояла убогая телѣга съ разошедшимися колесами, у которыхъ не хватало двухъ-трехъ спиць, но лошади у него не было. Изъ скота, впрочемъ, были двѣ коровы и баранъ, котораго Клавдія еще весной принесла съ завода маленькимъ. Ей его подарилъ влюбленный въ нее заводскій приказчикъ Уваръ Калиновъ, стяжавшій его, разумѣется, изъ хозяйскаго стада. Впрочемъ, была еще небольшая лохматая собаченка Валетка, бѣгавшая иногда изъ какого-то особеннаго удовольствія на трехъ ногахъ, поджимая одну заднюю. Подъ навѣсомъ на телѣгѣ сидѣли три курицы, но пѣтуха не было.

Уже смеркалось, когда Клавдія вошла въ избу. Въ первой большой комнатѣ кривобокая сестра ея Соня, дѣвушка съ необычайно длиннымъ лицомъ и выдавшеюся впередъ нижнею челюстью, суежилась около закоптѣлой русской печки, приготовляя какое-то варево къ ужину. У окна на непокрытомъ столѣ лежала на сѣрой бумагѣ только что вымытая астраханская селедка. Отецъ Клавдіи, старикъ Феклисть, сидя у окна, около подоконника, держалъ на рукахъ дочку Клавдіи Устю и кормилъ ее кашей.

Клавдія ворвалась въ избу, какъ вѣтеръ, и тотчасъ же хозяйскимъ, властнымъ голосомъ закричала:

— Чего вы это впотьмахъ-то сидите? Слава Богу, на керосинъ-то я ужъ заработала! Сонька! Зажигай лампу, давай скорѣй, что есть похлебать. Сейчасъ послѣ ужина Флегонтъ Ивановичъ ко мнѣ чай пить придетъ,—обратилась она къ сестрѣ, и тотчасъ прошла во вторую комнату.

Вторая комната принадлежала Клавдіи и имѣла совсѣмъ иную обстановку. Здѣсь подъ розовымъ ситцевымъ, распахнутымъ на двѣ стороны, пологомъ стояла кровать Клавдіи съ четырьмя подушками одна другой меньше, въ бѣлыхъ каленкоровыхъ наволочкахъ съ прошивками. Постель была прикрыта блѣдно-розовымъ тканевымъ одѣяломъ, рядомъ съ кроватью, по стѣнѣ, стоялъ большой крашеный сундукъ, обшитый въ клѣтку полосками бѣлой жести, и на немъ висѣлъ въ пробѣ большой надежный замокъ. Далѣе, ближе къ окну, помѣщался маленький старинный комодъ потемнѣлаго краснаго дерева съ облупившейся мѣстами фанеркой, и на немъ стояло небольшое зеркало. Зеркало окружали нѣсколько росписныхъ чашекъ съ надписями: «пей еще», «пей другую», «отъ сердца другу» и т. п. Комната была небольшая об одномъ окнѣ, и на немъ висѣли кисейныя занавѣски, а на подоконникѣ стоялъ алебастровый колѣнопреклоненный купидонъ съ сложенными на молитву руками и помѣщались горшокъ съ цвѣтущей фуксіей и горшокъ съ еранью. Комната была оклеена ободранными мѣстами обоями, гдѣ нехватящіе куски были залѣплены картинками изъ иллюстрированныхъ журналовъ, а въ углу висѣла икона въ фольговой ризѣ и въ темной кіотѣ съ лампадкой и привѣшенной къ лампадкѣ цѣлой ниткой фарфоровыхъ и сахарныхъ ялицъ. Изъ-за кіоты выглядывали пучки сухой вербы и лики восковыхъ вербныхъ херувимовъ, налѣпленные на цвѣтныя бумажки, изображающія крылья и сильно засиженные мухами. Три гнутые буковые стула, простая деревянная табуретка и столъ, покрытый красной бумажной скатертью, на которомъ помѣщалась лампа на чугунномъ пьедесталѣ и съ матовымъ стекляннымъ колпакомъ, завершали убранство комнаты.

Клавдія тотчасъ-же стала зажигать лампу и кричала сестрѣ въ другую комнату:

— Сонька! Выдра! И керосину въ лампу не догадалась прибавить. Гдѣ бутылка съ керосиномъ?—спрашивала она, выбѣжавъ изъ комнаты. — А ты, тятенька, чѣмъ-бы зря папироски-то сосать, взять-бы вѣникъ да подмести комнату,—обратилась она къ отцу, посадившему дѣвочку на лавку и скручивавшему папироску.

— Вовсе я не зря папироски сосу. Я сейчасъ твою-же Устьку кашей кормилъ.

— Устьку можно и положить. Ей давно спать пора. Соня! Положи ее къ себѣ на постель за печку, да прикрой полушубкомъ. Сытая она живо заснетъ, если ее покачать.

Соня, стоявшая у печки съ деревяннымъ уполовникомъ въ рукѣ, недоумѣвающе сказала:

— Или ѣду вамъ готовить, или Устьку спать укладывать?

— А гдѣ Николка? Ну, пусть Николка ее спать уложить,—вспомнила Клавдія про своего братишку.

— Николка... Гдѣ Николка! Ищи вѣтра въ полѣ—вотъ гдѣ твой Николка,—отвѣчалъ отецъ.

— Постегали-бы хорошенько раза два веревкой, такъ не убѣгалъ-бы онъ изъ дома, на ночь глядя. Отецъ, а никакого вниманія на мальчишку. А вотъ вырастетъ большой и будетъ разбойникомъ,—наставительно произнесла Клавдія и, взявъ бутылку съ керосиномъ, бросилась къ себѣ въ комнату.

Отецъ поднялся съ табуретки, на которой сидѣлъ, взялъ ребенка на руки и понесъ за печку, крича дочери въ другую комнату:

— Ежели ужъ стегать, то прежде всего тебя самую надо настегать веревкой.

— За что это? Не за то-ли, что я васъ всѣхъ пою и кормлю? Ахъ вы, неблагодарный!—откликнулась Клавдія.—Вотъ ужъ выслуги-то у меня нѣтъ.

Отецъ укладывалъ за печкой ребенка и продолжалъ кричать:

— За что?! За кислое твое поведеніе—вотъ за что! За то, что не по поступкамъ поступаешь. Хороша дочка-дѣвушка, которая каждый день къ себѣ мужинъ въ гости зоветъ!

— А вы зачѣмъ отъ такой дочки каждый день на сороковки себѣ выпрашиваете?—не унималась Клавдія.— Ахъ, вы! Ужъ кто-бы говорилъ, да не вы! Чѣмъ-бы работать, а вы на деньги дочери по кабакамъ... Землю нашу арендателью въ аренду сдали. Зачѣмъ вы нашу землю въ аренду сдали?

— Я егеръ, чортова ты перечница! Пойми, я егеръ. Я господскихъ собакъ кормлю и за это на кормъ получаю. Господь охотниковъ я на охотѣ сопровождаю—вотъ моя обязанность, такъ какая-же тутъ земля!

— Ну, довольно, довольно! Слышали! Хорошъ егеръ, который и ружье свое пропилъ.

— Молчи, шкура. Какъ ты смѣешь отца попрекать!—возвысилъ голосъ отецъ.

— И всегда попрекать буду, если вы меня попрекаете,—слышался изъ сосѣдней комнаты голосъ Клавдіи.— Да-съ... Всегда буду... Потому можно и егеремъ быть, и землю свою обрабатывать. Когда около земли-то надо стараться, вѣдь никакой охоты не бываетъ, всякая охота запрещена. А у насъ, срамъ сказать, своего огорода даже нѣтъ.

— Врешь, врешь, картошка посажена.

— Что картошка! Я про капусту. Ни капустки нѣтъ,

ни рѣдьки, ни рѣпы—за всѣмъ нужно въ люди идти покупать.

— Была капуста. А я чѣмъ виновать, что ее блоха подточила и червь поѣлъ? Это ужъ отъ Бога.

Отецъ переѣмлялъ тонъ и говорилъ ужъ тише. Перестала раздражаться и Клавдія, но все-таки продолжала изъ своей комнаты:

— Червь, блоха... Однако, при покойницѣ маменькѣ и червь, и блоха бывали, а капуста въ лучшемъ видѣ росла. А отчего? Червя снимала, отъ блохи капусту золой посыпали, огородъ поливали. А вы только по ка-бакамъ.

— Тыфу ты, подлая! Вотъ не можетъ уговориться-то! Тыфу! Словно за языкъ повѣшенная!—плевался за печкой отецъ и умолкъ, принявшись укачивать дѣвочку, тряся подушку, на которой она лежала.

— Ну, идите ужинать-то!—кричала отцу и сестрѣ Соня, ковыляя около стола, покрытаго полотенцемъ, на которомъ стояла глиняная чашка со щами, отъ которыхъ шелъ паръ.—Иди, Клавдія! Сама торопила ужинать и не идешь.

Пока Клавдія переругивалась съ отцомъ, Соня успѣла ужъ зажечь жестяную керосиновую лампу, нарѣзать хлѣба, положить на столъ деревянныя ложки и раздѣлить на куски астраханскую селедку.

Изъ своей комнаты вышла Клавдія, держа мельхиоровую ложку въ рукѣ. У ней были три чайныя и три столовыя мельхиоровыя ложки, но ѣла она только мельхиоровой ложкой сама и тотчасъ-же послѣ ужина ее убирала подъ замокъ.

Вышелъ и отецъ изъ-за печки, пробормотавъ «уснула Устька», и принялся истово креститься передъ ужиномъ въ уголъ на икону.

Соня вышла на крыльцо и стала звать братишек, голося.

— Николка! Панкратка! Идите ужинать!

Минуть через пять семья сидѣла за столомъ и хлеба пи: трое взрослыхъ ѣли пи изъ одной чашки, двоимъ мальчикамъ была поставлена другая чашка. Подъ навѣсомъ, въ ожиданіи себѣ также ужина, завывали сидѣвшіе на цѣпи двѣ охотничьи собаки, оставленные у Феклиста Герасимова на прокормленіе наѣзжающими изъ Петербурга охотниками.

III.

ФЕКЛИСТЪ Герасимовъ Собакинъ ѣлъ медленно, лѣниво протягивая свою деревянную ложку въ чашку и также лѣниво препровождалъ къ себѣ въ ротъ, придерживая снизу ломтемъ хлѣба, отъ котораго откусывалъ. Проглотивъ ложекъ пять, онъ сказалъ Клавдіи:

— Вотъ ты, дѣвочка, меня давеча сороковкой попрекнула, а гдѣ она эта самая сороковка-то? Безъ каши вина за столъ сѣлъ.

— Вольно-жъ вамъ было ее сразу всю вылакать,—отвѣчала Клавдія,—а я давеча утромъ дала вамъ двугривенный на похмелье. И такъ ужъ вы меня всю пропиваете и проѣдаете въ конецъ.

— Кори, кори отца-то! Да и врешь. Я на свои живу, да и семью кормлю. Восемь рублей за прокормъ двухъ собакъ получилъ—снятковъ сушеныхъ десять фунтовъ вамъ въ варево купилъ,—похвастался Феклисть.

— Эка важность снятки! А остальные пропили.

— Врешь. Подметки себѣ къ сапогамъ справилъ.

— Все равно, больше пяти рублей прошли.

— Солонину покупалъ.

— Пять-то фунтовъ? Бросьте. Все равно не проходить дня, чтобы я Сонькѣ по три гривенника на харчи не выдавала. Да вы и изъ этихъ-то денегъ наровите отнять у ней пятакъ на стаканчикъ.

— Когда-же это я?.. Только одинъ разъ...

— Оставьте пожалуйста... Ыщите скорѣй. Того и гляди, что Флегонтъ Ивановичъ чай пить придетъ, а мнѣ еще переодѣться надо. Не могу-же я его въ линючей рвани принимать,—торопила отца Клавдія и крикнула на маленькихъ братьевъ:—Ну, ребятишки, живо! А то я ложкой по лбу...

И она на самомъ дѣлѣ замахнулась на нихъ ложкой.

— Ты, Сонька, какъ отъужинаемъ, подмети здѣсь и прибери все,—продолжала она, обращаясь къ сестрѣ.— А вы, тятенька, промнитесь и самоваръ поставьте.

Феклисть посмотрѣлъ на Клавдію искоса и произнесъ:

— Вѣдь вотъ, небось, отъ тятеньки-то работы требуешь, когда кавалеровъ къ себѣ принимаешь, а сама...

— Сами-же вы будете изъ этого самовара чай пить. Ну, а вы, ребятишки, сейчасъ послѣ ужина за печку и спать!—возвысила Клавдія голосъ.—Нечего тутъ торчать передъ глазами.

Ужинъ состоялъ только изъ щей да изъ селедки съ картофелемъ. Соня раздѣлила ее всѣмъ по куску, себѣ взяла голову, поглотала ее и вышла изъ-за стола, крестясь. Клавдія тоже вышла изъ-за стола, и осматривала грязную непривлекательную комнату, меблировка которой состояла всего изъ продраннаго клеенчатого дивана, изъ котораго торчала въ нѣсколькихъ мѣстахъ мочала, изъ шкапчика съ посудой, висящаго на стѣнѣ и стола съ табурет-